

Наталья Тудгаль

**ВЕРХОВНАЯ
ВЕДЬМА**

Наталья Тудаль

Верховная ведьма

«Литнет»

2026

Тудаль Н.

Верховная ведьма / Н. Тудаль — «Литнет», 2026

Её убили в собственном мире. Она проснулась в чужом - в теле избитой жены криминального авторитета. Её «муж» садист и тиран. Её новая жизнь это золотая клетка. Но он не знает, что в его жене теперь проснулась душа Верховной Ведьмы с тремя веками опыта, ледяным рассудком и парой магических трюков. Её цель проста: выжить, восстановить силы и устроить маленький, но эффектный переворот. В планах избавиться от мужа, освоиться в мире гаджетов и социальных сетей, и защитить единственное, что здесь дорого - маленькую дочь, которая боится собственного отца. Но когда в её новую жизнь врывается Глеб, следователь с принципами из стали и взглядом, от которого перехватывает дыхание, планы начинают меняться. Он должен её арестовать. Она должна его соблазнить, ведь его энергия, ключ к её силе. Это игра на грани фола, где ставка жизнь, а главное правило, не влюбиться в того, кто видит тебя насквозь. Уважаемые читатели, книга будет доступна на платной основе, после завершения. Прошу понять и простить)))

© Тудаль Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог

Двести восемьдесят лет. Достаточный срок, чтобы познать вкус бессмертия и понять, что он отдаёт горькой пылью забвения. Достаточно, чтобы возвести трон из лунного камня и костей поверженных врагов. И более чем достаточно, чтобы усвоить простое правило, предадут всегда те, кого подпускаешь ближе всех к своему незащищённому горлу.

Я, Эразия Дрониктон, Верховная Ведьма Ковена Семи Лун, Наместница Теней и Хранительница Источника, нарушила это правило. И теперь я умирала.

Не на поле брани, не в эпической дуэли с архидемоном, чьё имя заставляло трепетать целые королевства. Нет, я умирала в собственных покоях, за рабочим столом, уставленным безделушками власти — хрустальными шарами, картами звёздных путей, пергаменами с заклинаниями, способными сдвигать горы. Умирала от яда. Банального, почти бытового яда «Тихий Шёпот», который любая ученица второго круга могла бы обнаружить в чаше за минуту до того, как поднести её к губам. Как же сильно я расслабилась...

Как пошло.

Жжение началось в горле, мягкое, почти нежное, а затем стремительно разлилось по жилам, замещая магию тягучим свинцом. Я откинулась на спинку трона-кресла, сшитого из кожи драконьих крыльев, и наблюдала, как узоры на гобеленах начинают плыть и переплетаться. Звезды на потолке, вправленные настоящие осколки павших светил, вдруг померкли.

— Интересный эффект, — прошептала я, и голос прозвучал чужим, хриплым. — Деграция визуальных иллюзий. Примитивно, но наглядно.

Дверь в мою мастерскую открылась без стука и скрипа. Она просто растворилась в тени, пропуская внутрь её. Лирезия, моя младшая сестра. На пятьдесят лет моложе, вечно вторая, вечно в тени. На её лице играла сложная гамма чувств: торжество, страх, жалость и что-то ещё, дремучее и завистливое, что копилось в ней, должно быть, десятилетиями.

Она была в церемониальных одеждах — парча, лунный шёлк, диадема из серебра, имитирующая мою корону. Пародия на величие.

— Сестра, — её голос дрогнул. Не от волнения, а от возбуждения. — Ты выглядишь нездорово

— Удивительная наблюдательность, — я попыталась пошевелить пальцами. Они слушались с трудом, будто одеты в свинцовые перчатки. Сердце билось неровно, пропуская удары. «Тихий Шёпот» действовал методично, сначала магия, потом тело. Бездарный яд для бездарных убийц. — Чай, должно быть, несвежий. Слуги нынче халтурят.

Лирезия сделала несколько шагов вперёд. Её пятки отчётливо стучали по полированному ониксу пола. Звук резал слух.

— Не вини слуг, Эразия. Они бессильны против воли, которая сильнее твоей.

— Моя воля, — я с усилием выпрямилась, стараясь дышать ровно, — это то, что до сих пор удерживает тебя на расстоянии трёх шагов. Боишься даже умирающей львицы. Понимаю.

Её лицо исказила гримаса злобы. На миг маска соскочила, и я увидела ту самую девочку, которая когда-то плакала, потому что не могла с первого раза поднять перо ветра. Ту самую, которую я утешала, объясняя, что талант ничто без трудолюбия.

Какая ирония. Оказалось, что трудолюбие можно направить и в другое русло. В русло заговора.

— Ты всегда смотрела свысока, — прошипела Лирезия. — Всегда! Эразия Великая, Эразия Непобедимая. А я? Я всего лишь твоя тень! Мои достижения приписывали твоему влиянию, мои открытия, твоему руководству. Но кто на самом деле десятилетиями управлял Ковеном? Кто заключал договоры с кланами драконидов? Кто удерживал равновесие в Эмбионе, пока ты парила в своих высоких сферах, размышляя о природе магии?!

Я внимательно слушала, параллельно пытаюсь нащупать внутри себя хоть искру силы. Но чувствовала лишь пустоту. Глухую, звонкую пустоту. Яд был силён. Хорошо приготовлен. Надо отдать должное, в алхимии она преуспела.

– Управляла, говоришь? – я позволила себе усмехнуться, и на губах выступила капля крови. Медная, тёплая. – Назначала праздники, раздавала награды, принимала послов... А кто отбивал атаку клана Чёрных Клинков прошлой осенью? Кто загнал обратно в Бездну Шепчущего Ужаса, когда он прорвал печати? О, да, это была я. Пока ты «управляла», я делала грязную работу. Работу Верховной.

– И скоро её буду делать я! – она выкрикнула это, и эхо подхватило её слова, разнеся по пустым залам. – Ковен уже на моей стороне! Старейшины устали от твоего деспотизма, от твоих бесконечных войн!

«Деспотизм». Забавное слово. Они называют деспотизмом нежелание позволить им развязать гражданскую войну из-за спора о налогах на магические кристаллы.

– Старейшины, – я с трудом перевела дух, – это стая дряхлых гиен, которые ждут, когда львица оступится, чтобы наброситься на её тушу. Ты не станешь для них царицей, Лирезия. Ты станешь их марионеткой. И они сожрут тебя, как только ты исполнишь свою роль.

– Не слушаю! – она закрыла уши руками, детский, нелепый жест. – Ты всегда так! Всезнайка! Пророчица! Нет, сестра. На этот раз ты ошибешься. Умри достойно, если можешь.

Достойно. Что это значит? Проклясть её до десятого поколения? Извергнуть последнюю каплю силы в отчаянной атаке? Это было бы... предсказуемо. Банально. Как и всё в этом жалком покушении.

Мой взгляд упал на шкатулку, стоявшую на краю стола. Простая, деревянная, без украшений. В ней лежал артефакт, который я отбила у хроно-пиратов век назад. «Сердце Мира». Камень, способный в момент смертельной опасности разорвать ткань реальности и бросить владельца в случайную точку мультивселенной. Одноразовый, ненадёжный, опасный. Последняя надежда труса. Я никогда не считала себя трусом. Поэтому он и пылился в шкатулке, забытый.

Тело немело. Зрение заволакивало чёрная пелена. Сердце замерло в длинной, мучительной паузе. Лирезия приблизилась, её рука сжала жезл, мой жезл, украденный, должно быть, сегодня утром.

«Умирать от руки сестры-недоучки, испортившей безупречную статистику моей гибели исключительно из-за моего же размягчения... Как пошло. Как нелепо. Как... досадно».

Досада. Вот что я чувствовала. Не ярость, не страх, не горечь. Острую, колющую досаду за свою небрежность. Я, пережившая интриги дворов тринадцати королевств, павшая из-за отравленного чая. Стыд.

Но даже в стыде есть своя гордость. Я не дам ей насладиться моментом триумфа. Не дам себе стать ещё одним клише в истории о предательстве.

Последним усилием воли, не магии, её уже не было, а чистой, животной воли к тому, чтобы не дать врагу того, чего он хочет, я двинула рукой к шкатулке.

Мои пальцы, холодные и нечувствительные, нашли защёлку. Лирезия заметила движение. Её глаза расширились.

– Что ты... Нет!

Она взмахнула жезлом. Смертельный луч малиновой энергии, вырвавшийся из моего же оружия, прошёл воздух. Но я уже падала со стула, увлекая за собой шкатулку. Дерево раскололось. Тусклый, серый, ничем не примечательный камешек выпал мне на грудь.

Прикосновение было ледяным.

– Прочь от неё! – закричала Лирезия, но в её голосе был уже не триумф, а паника. Она знала об артефакте. Конечно знала. В моей библиотеке не было для неё секретов.

Луч ударил в пол рядом со мной, расплавив оникс в вулканическую лужу. Жар опалил кожу. Но было поздно.

Камень на моей груди забился, как второе сердце. Он стал тёплым. Пульсирующим. Потом горячим. Белым.

Заклятье активировалось не на магии пользователя. Оно питалось самой смертью. Моей смертью.

– Эразия, нет! – голос сестры прозвучал как будто из-под толстой стеклянной колбы.

Я не стала смотреть на неё. Не стала тратить последние секунды на взгляд полный ненависти или презрения. Я смотрела на потолок, на свои потухшие звёзды, и думала с чисто академическим интересом: «Куда же он меня выбросит? В огненную пустыню Аш-Тагор? В ледяные бездны Хела? Или, быть может, в какой-нибудь скучный мир, лишённый магии вообще? Было бы забавно».

Свет поглотил всё. Комнату, искажённое лицо Лирезии, боль, досаду. Не было ни звука, ни ощущения полёта. Было ничто.

Последняя связанная мысль, прежде чем сознание рассыпалось:

«Если выживу... придётся завести кота. И никогда, слышишь, НИКОГДА не пить чай, который подаёт сестра. Какой банальный урок».

И тьма сомкнулась.

А где-то в другом месте, в другом измерении, в мире, где магия была сказкой, а правят балом законы физики, экономики и человеческой глупости, в частной палате клиники «Эдем» застонала тридцатилетняя Анна Савельева. Её тело было сломано, душа в отчаянных попытках цеплялась за жизнь. Она тоже умирала. От рук своего мужа. Отчаяние, страх, боль, всё смешалось в последнем выдохе.

И в тот миг, когда нить её жизни должна была оборваться, в разбитый сосуд влилось нечто иное. Холодное, древнее, исполненное досады и железной воли. Сосуд треснул, но выдержал. Чужая душа заняла опустевший трон.

Мир не заметил подмены. Вселенная равнодушно приняла ещё один парадокс.

Где-то в Эмбионе Лирезия Дрониктон поднимала с пола ещё тёплую диадему Верховной Ведьмы. Её пальцы дрожали. В воздухе пахло озоном и расплавленным камнем. От сестры не осталось ничего. Ни пепла, ни энергии. Пустота.

Она победила. Но её торжество было отравлено сомнением и леденящим страхом.

«Куда ты исчезла, сестра?»

А в палате клиники «Эдем» женщина с синяками на лице и сломанными рёбрами открыла глаза. И в этих глазах, ещё мутных от боли, но уже проясняющихся, не было ни отчаяния Анны, ни покорности. В них была холодная, всепоглощающая ярость учёного, поставившего неудачный эксперимент над собой. И бездонная, унижительная досада.

Началась новая глава. А я, Эразия Дрониктон, ненавижу плохо написанные главы. Придётся переписывать.

Глава 1

Сознание вернулось медленным, мучительным просачиванием, как протекает яд в кубок. Потом появилась боль.

Она была повсюду. Тупая, пульсирующая в висках. Острая, колющая в боку, сковывающая дыхание. Ноющая в каждой мышце, каждом суставе. Это был незнакомый, примитивный вид страдания. Моё прежнее тело, отточенное веками магии и дисциплины, забыло, что такое физическая боль лет двести назад. Последний раз меня ранил клинок, отравленный пеплом феникса, и то неприятные ощущения длились не больше минуты, пока я не восстановила плоть.

Здесь же боль была тотальной и унижительной. Она не концентрировалась в точке удара, а разлилась по всему существу, как дешёвая краска. Я попыталась от неё отстраниться, сжать в узкий комок и выбросить прочь, как делала всегда с помехами.

Не вышло.

Магии не было. Вернее, она была, но тонюсенькой, дрожащей ниточкой где-то на самом дне сознания. Как последняя капля воды в пустынном колодце. Попытка дотянуться до неё вызвала новую волну тошноты и головокружения.

«Прекрасно. Идеально. Не просто попасть в смертное тело, а в битое, сломанное смертное тело. Артефакт, видимо, обладал чёрным чувством юмора».

Я заставила себя открыть глаза. Медленно, преодолевая сопротивление опухших век.

Белый потолок. Ровные квадраты плиток. Холодный, искусственный свет, льющийся откуда-то сверху. Воздух пахнет странно – резкой химической чистотой, под которой сквозит запах страха, пота и... чего-то сладковато-гниющего. Лекарства?

Я лежала на чём-то жёстком, застеленном грубой тканью. Повернуть голову было подвигом. Комната небольшая. Стеклопанельная дверь, за которой мелькали тени в белых и голубых халатах. Станные аппараты с мигающими огоньками тихо пищали рядом. От меня вверх шла прозрачная трубка, заканчивающаяся пластиковым мешком с жидкостью.

«Инфузионная терапия. Капельница», – прошелестело в памяти, которая не была моей. Чужой, напуганный голосок в темноте моего нового разума. Это что еще за чудо?

Я закрыла глаза, отдавшись на миг чисто исследовательскому интересу. Нужно было оценить ущерб.

Проанализирую тело, которое мне досталось. Женское, уже неплохо. Возраст... примерно тридцать человеческих лет. Судя по ощущениям, неплохо сохранившееся, если не считать текущих повреждений: минимум два перелома рёбер, вероятно, трещина, сильные ушибы мягких тканей на торсе и ногах, сотрясение мозга разной степени красоты. Мышечный тонус слабый. Ресурс истощён хроническим стрессом и недосыпом. Вывод: сосуд хрупкий, требует немедленного восстановления и последующей прокачки. Срочно нужна энергия.

Что с памятью? Хаос. Не структурированные воспоминания, а клочья. Вспышки. Крик мужского голоса. Боль, приглушённая алкоголем в дыхании нападающего. Детский плач за стеной. Ощущение беспомощности, острейшего, животного страха. Мое новое имя Савельева Анна. Ещё одно имя – Вадим Савельев, Савва. Муж. И чувство к нему – леденящий, парализующий ужас, перемешанный с какой-то болью, искажённой привязанностью. «Он же любит, он просто вспыльчивый...» – эхом звучала глупая, рабская мысль.

Я мысленно сморщилась. Какая жалкая, какая отвратительная психология. Это существо позволило не просто бить себя – оно позволило сломать себе волю. Добровольно надела ошейник.

Но тут же, из другой клочкастой памяти, всплыло другое лицо. Девочка. Большие, испуганные глаза, Варя. И к этому чувство было чистым, острым, как стекло. Любовь, замешанная

на всепоглощающем страхе за неё. Желание спрятать, защитить, унести. И полное бессилие это сделать. Замечательно, теперь у меня еще и дочь имеется.

Вот это я могла понять. Инстинкт защиты потомства – один из древнейших. Он был и у драконов, и у фей, и у самых примитивных тварей болот Эмбиона. В нём была честь.

Значит, не всё в этой Анне было гнилым. Была здоровая, здравая часть. Та, что отвечала за ребёнка. Её можно было уважать. Ну, или хотя бы не презирать так откровенно.

Я снова открыла глаза, сканируя комнату уже с конкретными целями. Дверь, вероятно, замок элементарный, но в текущем состоянии пытаться встать глупо. Окно одно, большое, но, судя по отражению, это не первый этаж. На тумбочке рядом лежали странные предметы: маленький чёрный прямоугольник (телефон, подсказала чужая память), пачка бумажных салфеток, пластмассовый стаканчик. На стене панель с кнопкой. «Вызов медсестры».

Мир был... тихим. Ошеломляюще тихим для моего восприятия. Ни шепота лей-линий, ни гулко-го фона магии, исходящей от живых существ, ни даже намёка на эфирные вибрации заклинаний. Мёртвая зона. Технократическая пустыня. Как в тех антимагических тюрьмах, что строили гномы. Только масштаб – целый мир.

Отчаяние? Нет. Раздражение – да. Но отчаяние – роскошь, которую я не могла себе позволить. Правила выживания универсальны. Шаг первый, оценить угрозу и найти безопасное место. Я была явно в месте, предназначенном для исцеления. Угроза здесь должна быть минимальна. Значит, можно было сосредоточиться на шаге номер два, восстановить базовые функции и собрать информацию.

Я попыталась пошевелить пальцами рук, потом ног. Работало, но со скрипом, и болью. Дыхание было поверхностным – мешали поврежденные рёбра. Я заставила себя дышать глубже, через боль, растягивая диафрагму. Кислород нужен мозгу. Мозг – главный инструмент.

Потом я обратилась внутрь. К той самой тонкой, дрожащей ниточке. Конечно это была не магия Эмбиона. Это было что-то... примитивнее, грубее. Как разница между алмазной гранью и обломком кремня. Но огонь высечь можно и кремнем.

Я не пыталась сделать что-то грандиозное. Просто направила слабый импульс внимания на область самой острой боли – в бок. Не чтобы исцелить, а чтобы хоть немного ее ослабить. Создать крошечную зону контроля в этом море хаоса.

Ниточка дрогнула, истончилась, но послушалась. Боль в боку не исчезла, но отступила на полшага, позволила дышать чуть свободнее. Успех. Мизерный, но осязаемый. В мозг, наконец, хлынула хоть капля эндорфинов, не связанных с паникой.

Именно в этот момент дверь открылась.

Вошел мужчина. Он был одет в дорожную, но кричащую одежду: малиновую рубашку навыпуск, брюки со стрелками, туфли с неестественно острыми носами. Черты лица мужчины были правильные. Однако, красивые черты, казались испорченными холодной, пустой жестокостью в глазах и лёгкой отёчностью, говорящей о системных излишествах. Он излучал волну агрессии, дешёвого парфюма (что-то с бергамотом и слишком много мускуса) и удовлетворения. Глубокого, животного удовлетворения от хорошо проделанной работы.

Память Анны сожгли дотла адреналиновым всполохом. *Вадим – Савва. Муж. Опасность. Боль.*

Он подошёл к койке, бегло, без интереса оглядев меня сверху донизу. Взгляд был как у мясника, оценивающего тушу на рынке.

– Ну что, ангел мой, очухалась? – голос у него был бархатистый, специально поставленный. Им он, наверное, отдавал приказы и говорил сладкие слова перед тем, как ударить.

Я не ответила. Просто смотрела. Впитывала и анализировала. Его поза, его микродвижения, расширение зрачков. Угроза среднего уровня. Опасен в рамках примитивной физической конфронтации. Сейчас, в этом теле, он мог меня убить голыми руками. Но его разум предска-

зую, примитивен, управляем базовыми инстинктами: гнев, жажда власти, похоть, тщеславие. С таким работать – одно удовольствие. Когда будут силы.

– Игнорируешь? – он наклонился, упираясь руками в поручни кровати. От него пахло теперь ещё и кофе. – Это зря. Врачи говорят, ничего серьёзного. Ребра, синяки. Отлежишься недельку дома, и будешь как новенькая.

Он произнёс это с такой... бытовой непринуждённостью. Как будто говорил о починке мебели.

– Домой... – я намеренно сделала голос слабым, хриплым, под стать телу. Просто чтобы проверить реакцию. И чтобы замаскировать полное отсутствие в нём страха или подбострастия.

– Ну конечно, домой. Где же ещё? – он улыбнулся. Улыбка была ледяной. – Тут тебе не курорт. Да и... нам с тобой нужно серьёзно поговорить. Насчёт твоего поведения.

«Поведения». Всплыл обрывок: я (она, Анна) в каком-то заведении (кафе – подсказывала память прошлой владелицы тела). Разговор с подругой. Смех. Затем – его, Саввы, машина у тротуара. Его лицо за стеклом. И потом уже дома...

– Я... не понимаю, – сказала я, опуская взгляд. Классическая поза покорности. Пусть думает, что его овца всё ещё на месте.

– А я помогу понять, – он понизил голос до интимного, ядовитого шёпота. – Ты моя жена. Ты сидишь дома, воспитываешь дочь, встречаешь меня с работы. Ты не ходишь по кабакам, не болтаешь с всякой швалью и уж тем более не смеёшься на всю улицу с кем попало. Поняла? Ты выставляешь меня дураком. А я дураком не бываю.

Он провёл пальцем по моей щеке, чуть выше огромного синяка. Жест выглядел почти нежным, если бы не сила, с которой он вдавил ноготь в кожу.

– Дома закончим разговор. Как следует. Чтобы на будущее было понятно. Отдохни, соберись. Охрана поможет.

Он выпрямился, ещё раз окинул меня тем же безжизненным взглядом, развернулся и вышел. Дверь закрылась за ним.

В палате воцарилась тишина, нарушаемая только пискom аппаратов.

Вот и первая полевая разведка завершена. Угроза идентифицирована, локализована и озвучила свои намерения. Примитивные, прямолинейные. «Дома закончим разговор». Кодовая фраза для продолжения физического насилия.

Во мне, Эразии Дрониктон, Верховной Ведьме, чьё слово заставляло трепетать королей, не было страха. Была лишь холодная, кристальная ярость. Какой-то... бандит. Контролёр при-тонов и контрабандных маршрутов (ещё один обрывок памяти). Мелкий хищник в своём мелком болоте. Осмелился угрожать *мне*.

Я посмотрела на свою руку – бледную, с синими прожилками вен, со следами старых и новых кровоподтёков. Хрупкую и слабую.

– Нет, – прошептала я тихо, но твёрдо. Голос всё ещё был хриплым, но в нём появилась сталь. – У меня не будет мужа.

Девиз на ближайшее время был ясен: *Выжить. Восстановиться. Вернуться.*

Пункт «Вернуться» пока висел в воздухе. Непонятно как, непонятно куда. И, что самое любопытное, желание немедленно сбежать из этого жалкого, безмагичного мира куда-то поугасло. Появилось другое, более острое, более злое желание.

Обустроиться здесь. В этом «доме». Оценить ресурсы. Восстановить силы. А потом... потом посмотреть на лицо этого Саввы, когда он поймёт, с кем всё это время имел дело. Это будет достойное зрелище. Не эпичная битва с драконом, конечно, но как небольшая, ироничная интерлюдия перед основным действием – сойти с ума, сойдёт.

Я снова закрыла глаза, на этот раз не от бессилия, а для концентрации. Игнорируя боль, я начала методично, слой за слоем, исследовать новое тело. Каждый мускул, каждое сухожилие,

каждый шрам – как на карте. Нужно было понять его ограничения и его, пусть и скудные, но возможности. Одновременно я копала глубже в память Анны. Не в эмоции, а в факты. Адреса, имена, распорядок дня, расположение комнат в доме, привычки «мужа». Всё, что могло стать оружием или, на худой конец, инструментом.

А ещё я прислушивалась к той ниточке внутри. К искре. Её нужно было раздуть в пламя. Любой ценой. И у меня уже начинал формироваться план, от которого моё прежнее, гордое «я» могло бы содрогнуться. Но гордость – плохой советчик, когда ты лежишь сломанной куклой в мире, где твоя титульная власть ничего не стоит.

Здесь нужна была другая власть. Сила, деньги, влияние. Или просто старомодный, неотразимый ужас.

«Ну что ж, Савва, – подумала я, чувствуя, как в уголках губ, несмотря на боль, зарождается что-то вроде улыбки. – Ты хотел серьёзного разговора? Договорились. Он будет. Самый серьёзный разговор в твоей никчемной жизни. И он же последний».

Еще один момент, по которому я приняла решение, это терпеть неудобства ниже своего достоинства. Значит, нужно начинать действовать. С самого малого. Я медленно, преодолевая протест каждой мышцы, потянулась к панели вызова. И нажала кнопку.

Глава 2

Меня выписали через три дня. Три дня томительного бездействия, за которые я превратилась в прилежного ученика. Моими учебниками были прямоугольник на стене, который показывал цветные картинки и изображения, как я узнала это был телевизор. Он транслировал мир, в котором я оказалась. Мне казалось все супер странным и немного пугающим. Болтовня лекарей за дверью, здесь их называли врачами и медсестрами, и тот самый чёрный прямоугольник – «смартфон». Он же стал моим первым магическим кристаллом этого мира, хранящим бездну информации. Правда, доступ к нему был ограничен. «Для твоего же спокойствия, ангел», – сказал Савва, забирая его у меня из рук после первого же моего осторожного тыкания. Зато он оставил в палате «умную колонку», и назвал ее Алисой, заявив, что с ее помощью я могу слушать свои любимые «песенки». Видимо, считал ее безопасной. Так как я не знала, как ей управлять, позвала медсестру и спросила у нее. Все оказалось проще некуда, нужно было обратиться к ней по имени и задать любой вопрос.

О, какая ошибка.

«Алиса, расскажи про мир, в котором я живу?»

«Алиса, расскажи основные законы страны?»

«Алиса, объясни базовые принципы экономики. Кратко».

«Алиса, включи новости. Местные».

«Алиса, что бывает за убийство мужа?»

Голос из колонки был терпеливым, всезнающим и лишённым всякой эмоциональности. Идеальный собеседник. К третьему дню я уже имела общее, крайне неприглядное представление о мире, в который угодила. Технократия высшей пробы. Магия заменена сложными, но примитивными (с моей точки зрения) механизмами. Власть в руках тех, у кого больше зелёных бумажек или металлических кружочков. Законы были любопытны. Они существовали, их пытались исполнять, но под ними, как подо льдом, бушевала тёмная, грязная река криминала, где царили свои, более простые законы. Закон силы, страха и денег. В этом, по крайней мере, было что-то родное.

Меня забрали два бесчувственных бугая в спортивных костюмах – «охрана». Когда я одетая в переданный охраной мужа спортивный костюм вышла из палаты, они взяли меня под локти, почти понесли к лифту, потом – через стеклянные двери на улицу. И я впервые увидела мир Анны.

Первое впечатление – шум. Грохот адский, неумолчный, сотрясающий самое нутро. Я невольно вздрогнула, когда мимо, плюясь чёрным дымом, пронеслась огромная, разноцветная шутовина. На колёсах. «Грузовик», – беспристрастно сообщила память Анны. За ним – десятки других, поменьше. «Автомобили». Они заполняли пространство, двигались по твёрдому серому полю («асфальт»), пахли гарью и чем-то едким. Небо было грязно-серым, низким, будто приплюснутым смогом. Воздух обжигал лёгкие не магией, а химической грязью.

«Эдем, – подумала я с плохо скрываемой иронией, глядя на вывеску клиники. – Очень похоже. Особенно на серную составляющую».

Меня погрузили в длинную чёрную «машину» с тёмными стёклами. Внутри пахло кожей и тем же дешёвым химозным запахом, что и от Саввы. Я молча уселась, поглощая вид из окна. Дома-коробки, устремлённые ввысь. Мерцающие рекламные панно с улыбающимися лицами. Люди, снующие, как потревоженные муравьи, уткнувшись в маленькие экраны в руках. Ника-

кой природной магии. Только сконцентрированная, выхолощенная энергия электричества, текущая по проводам. Мёртвый мир. Красивый в своей чудовищной, механистичной эффективности, но бездушный.

Особняк Саввы находился на окраине, за высоким бетонным забором с колючей проволокой. Само здание было монументом безвкусицы, нечто среднее между замком и храмом, облицованное белым мрамором с золотыми завитушками. «Новые русские», – всплыло в памяти слово, и с ним – волна стыда Анны за эту показную, крикливую роскошь.

Внутри было не лучше. Холл размером с мой тронный зал в Эмбионе, но вместо gobеленов – золотая лепнина и люстра-монстр из хрусталя, похожая на застывший взрыв. Белый мраморный пол, скользкий и холодный. На стенах висели картины, явно купленные не из-за красоты – буйство красок, имитирующее что-то абстрактное. Всё кричало о деньгах. И о полном отсутствии какой-либо эстетики или души.

Меня не просто провели, меня *протащили* по этому холлу и втолкнули в маленькое помещение, буквально два на два метра. Охранник нажал кнопку с цифрой «2» и мы плавно начали движение вверх. Ещё одно странное ощущение – давление на пол, будто тебя слегка вдавливают в землю. «Подъёмник». Примитивно, но работает.

Второй этаж представлял собой длинный ковровый коридор с множеством дверей. Мою комнату я узнала мгновенно – по остаточному чувству заточения, исходившему от неё в памяти Анны. Охранник открыл дверь, жестом пригласил войти и, не сказав ни слова, закрыл её снаружи. Щёлкнул замок.

Я осталась одна.

Моя «золотая клетка». Очень большая. С огромной кроватью под балдахином из розового бархата. С туалетным столиком, заваленным флаконами и баночками (косметика, которую Анна почти не использовала). С гардеробной, где висели дорогие, но безликие платья и костюмы. С собственным будуаром («ванная», поправила я себя) из чёрного мрамора с золотыми краями. И окном во всю стену, выходящим в запертый, ухоженный сад с фонтаном – таким же вычурным и безвкусным, как и всё здесь.

Первым делом я обследовала дверь. Замок – электронный, с панелью для кода снаружи. Простой механический засов внутри, но он был сломан, судя по всему, давно. «Чтобы не выходила без спросу». Окно не открывалось. «Герметичный стеклопакет». Выхода не было. Точнее, был один – та дверь, что только что закрылась.

Я не стала впадать в панику. Паника для Анны. Я была Эразией, и моей первой задачей была рекогносцировка.

Я прислушалась. В доме стояла тишина, но не мертвая. Где-то далеко что-то гудело. Слышались редкие шаги в коридоре – охрана. Голосов не было.

«Поле боя изучено, – констатировала я мысленно. – Узник в собственных апартаментах. Охрана – наёмники, лояльные хозяину. Побег в текущем состоянии и без знаний о внешнем мире – самоубийство. Вариант один, изменить баланс сил внутри крепости».

Но для этого нужна была сила. Моя сила.

Я подошла к ванной, включила воду. Чистая, прозрачная, без намёка на энергетику. Просто вода. Я наполнила стакан и поставила его на столик. Села напротив, скрестив руки на груди, стараясь игнорировать ноющую боль в боку.

– Хорошо, – прошептала я. – Начнём с азов. Вода. Подчинение стихии воды – первый круг учеников.

Я сосредоточилась на ниточке внутри. На том слабом, дрожащем источнике. Вытянула из него каплю энергии, тонкую, как паутинка, и направила её к стакану. Воля. Намерение. Не жесты, не слова силы – их заменяла чистая концентрация.

«Двигайся». Вода не шелохнулась. Я не сдалась. Потратила ещё десять минут, выжимая из себя по крохам эту жалкую энергию. Голова начала раскалываться от напряжения. Наконец,

на самой поверхности воды появилась рябь. Одна маленькая волна пробежала от края к краю. Успех. Я могла вызвать рябь в стакане. Этого хватило бы, чтобы насмешить водного элемента до слёз, если бы они здесь водились.

Раздражение, острое и жгучее, подкатило к горлу. Я отпила воды, давясь собственной беспомощностью.

– Ладно. Воздух. Тень.

Я поймала луч солнца, падающий из окна, и попыталась сгустить тень под креслом. Сделать её плотнее, осязаемее. Из тени можно было бы вытянуть щупальца, создать иллюзию... Ничего. Тень оставалась просто тенью. Безжизненным отсутствием света.

– Чёрт, – выругалась я незлегантным словечком из лексикона Анны. Оно пришлось как нельзя кстати.

Шепот. Может, звуковые вибрации? Я закрыла глаза, пытаюсь нашептать элементарное заклинание очищения воздуха, чтобы избавиться от этого приторного запаха дезодоранта, витавшего в комнате. Шёпот был моим, низким, наполненным остатками бывшей власти. Я чувствовала, как звуковые волны расходятся по комнате... и растворяются, поглощённые синтетическими коврами и штукатуркой. Воздух остался прежним.

Я откинулась на спинку кресла, охваченная волной отчаяния. В Эмбионе я могла бы такими шепотами обрушить башню. Здесь я не могла даже очистить воздух в собственной спальне.

Время. Мне нужно было время. И энергия. Огромная, концентрированная энергия. Одна из доступных форм её получения в этом теле была... интимной близостью. Я взглянула на дверь, за которой ходили охранники. Мысль вызвала лишь брезгливую гримасу. Нет. Это было бы не восстановлением, а новым унижением. И энергия от таких была бы грязной, слабой. Нужен был мощный источник. А где его взять в этом мёртвом доме? Был еще один вариант – чья-то смерть. Я могла восстановиться через энергию смерти. Но законы этого мира были неудобны для этого. Тут нужно было подумать...

Внезапно я вспомнила про дочь. Варя. Где она? За все дни в больнице Савва ни разу о ней не заикнулся. Тревога, чужая, но от того не менее острая, кольнула меня. Я встала, подошла к двери и постучала.

Через минуту дверь открыл один из бугаев. Бесцветные глаза, квадратная челюсть.

– Что?

– Где моя дочь? – спросила я, стараясь звучать как обеспокоенная, слабая Анна.

– С Саввой не говорила? – охранник хмыкнул. – В садике, как обычно. Завтра суббота, завтра и привезут.

Он захлопнул дверь.

Я медленно вернулась к креслу. «В садике, как обычно». Из памяти Анны всплыла картина: маленькая девочка, плачущая, цепляющаяся за её ногу. И голос Саввы, жёсткий: «Забери её отсюда. На неделю. Чтобы под ногами не путалась». «Круглосуточный детский сад «Лучик». Дорогое, элитное заведение-тюрьма для детей тех, кому ребёнок мешает жить. Варю отвозили туда, когда у Саввы были «дела» или когда он просто хотел, чтобы дома было тихо. Анна ненавидела это место, но протестовать не смела.

Значит, девочка в безопасности. По крайней мере, её не бьют в данный момент. Это было хорошо. У меня было время до завтра.

Но это осознание не принесло покоя. Оно принесло новую цель. Я не просто должна была восстановить силы, чтобы защитить себя. Теперь у меня был срок. До завтрашнего дня, когда в эту клетку приведут ребёнка. Ребёнок, который стал моим по праву наследования. И я не позволю, чтобы он снова оказался в этой атмосфере страха и насилия.

Даже слабая, даже почти беспомощная, я всё ещё была Верховной Ведьмой. И у меня был интеллект, переживший века. Если магия не работает, буду использовать то, что есть.

Я начала методичный обыск комнаты. Не в поисках оружия (хотя и это тоже), а в поисках информации. Я нашла пару журналов о моде, которые Анна, судя по загибам страниц, листала без интереса. Нашла старый планшет («электронная книга») с кучей романов о «любви». Пролистала – примитивные сюжеты о страсти и страданиях. Ничего полезного.

Зато в ящике туалетного столика, под грудой белья, я нашла кое-что интересное. Блокнот. Не Аннин – его почерк был грубым, угловатым. Список имён, дат, сумм в долларах и странные пометки: «клад у Перевала», «засветил ментов», «разборка на базе». Это был явно Саввин «рабочий» блокнот. Он, видимо, пользовался им здесь, в её комнате, когда хотел унижить её ещё и этим – превратить её личное пространство в свой кабинет. Идиотская самоуверенность.

Я внимательно изучила каждую страницу. Финансовые потоки. Контакты. Намёки на места «закладок» с контрабандой. Имена подчинённых и партнёров. Это был клубок. Грязный, опасный клубок. Но в нём была сила. Сила информации.

Я улыбнулась. Первый реальный актив.

Я нашла в комнате, как и в больнице, панель с кнопкой вызова, кого интересно? Я нажала.

Через некоторое время в дверной глазок (я подошла и посмотрела в обратную сторону) мелькнула тень. Женская.

– Да? – слышался голос за дверью.

– Кто это? – спросила я.

– Горничная, Тамара. Вам что-то нужно, Анна Валерьевна?

Горничная. Прислуга. Возможно, свой человек Саввы, возможно, просто наёмная работница. Рисковать было рано.

– Принесите, пожалуйста, чаю. И... что-нибудь поесть.

– Хорошо.

Через двадцать минут она принесла поднос. Охранник открыл дверь, я успела рассмотреть женщину лет пятидесяти, с усталым, невыразительным лицом. Она передала поднос мне, не переступая порога комнаты.

– Возьмите. Мне не велено входить.

– Спасибо, – сказала я, и, прежде чем она ушла, спросила: – Тамара, а... Варю когда привезут?

Женщина на мгновение встрепенулась, в её глазах мелькнуло что-то вроде жалости, но она тут же опустила взгляд.

– Хозяин сказал, завтра утром. После завтрака.

– Она... как она там?

– В «Лучике» всё хорошо. За ними смотрят, – ответила Тамара формально и быстро засеменила прочь.

Я забрала поднос. Охранник нетерпеливо закрыл дверь. Снова щелкнул замок. Чай был в пакетике, еда – какое-то безвкусное рагу. Я поела, запивая чаем, и чувствовала, как в тело понемногу возвращаются силы. Обычные, физические. Не магия, а просто способность двигаться без головокружения.

Ночь я провела не в постели, а в кресле у окна. Я медитировала, не пытаюсь выжать из себя невозможное, а просто... слушала. Впитывала ритмы дома. Шаги охраны, которые менялись каждые четыре часа. В два часа ночи где-то на первом этаже хлопнула дверь, слышался грубый смех и звук разбитого стекла – Савва вернулся и, видимо, не один. Потом всё стихло.

Я смотрела на звёзды, которых почти не было видно из-за засветки города, и думала. О тщетности, о досаде и о глупости своего положения. Но также и о странном, новом вызове.

«Представь, – мысленно обратилась я к призраку Лирезии. – Твоя великая сестра, повелительница стихий, сидит взаперти в позолоченном будуаре какого-то бандита и мечтает не

о мести, а о том, чтобы научиться включать свет голосом. Если бы не было так грустно, это было бы смешно».

Но в этой грусти зрела сталь. Завтра привезут Варю. И я должна быть к этому готова. Хотя бы отчасти.

Перед рассветом я снова подошла к стакану с водой. На этот раз я не пыталась двигать её. Я просто смотрела. Вглядывалась в её молекулярную структуру своим внутренним взором. И попыталась сделать нечто более простое, более фундаментальное. Не управление, а... просьбу. Слияние. Я – тоже на 70% вода. Может, в этом мёртвом мире магия должна быть не приказом, а диалогом?

Я опустила кончик пальца в воду. И представила, как та самая жалкая искорка внутри меня стекает по пальцу, растворяется в воде, становясь её частью.

И я почувствовала. Слабый, едва уловимый отклик. Не движение, а... осознание. Капля в стакане ощутила мою каплю силы. Это было ничто. Но это было *что-то*. Первый настоящий контакт со стихией в этом мире.

Я вынула палец. Усталость накатила сразу, как после долгого перехода. Но на душе стало легче. Не всё потеряно. Просто всё по-другому. Грубее. Медленнее. Как если бы тебя заставили высекать огонь кремнем, когда ты привыкла щёлкать пальцами.

Рассвет заалел над уродливыми крышами. Где-то вдали запели первые птицы, пробивающиеся сквозь городской грохот. Я услышала шаги в коридоре. Твёрдые, уверенные и это была не охрана. Савва.

Он не стал стучать. Щёлкнул код, дверь открылась. Он стоял на пороге, свежий, бритый, в дорогом халате. Он осмотрел меня с ног до головы, его взгляд скользнул по нетронутой постели, по креслу, в котором я провела ночь.

– Не спалось, ангел? – спросил он с притворным участием. – Волновалась? Не надо. Сегодня всё наладится. Привезу твою доченьку. Будете вместе. А вечером... – он сделал паузу, давая мне прочувствовать каждое слово, – вечером у нас будет тот самый разговор. Чтобы ты окончательно поняла, как нужно себя вести в моём доме.

Он улыбнулся. И вышел, снова закрыв дверь.

Я осталась стоять посреди своей золотой клетки. Боль в боку напомнила о себе. Слабость в ногах тоже. Но внутри, там, где ещё недавно была лишь досада, теперь пламенела холодная, тихая ярость.

«Хорошо, Савва, – подумала я, глядя на закрытую дверь. – Привози. Привози мою дочь. И давай поговорим. Только учти: я уже начала учить правила твоего дома. И первое правило, которое я выучила – здесь побеждает тот, у кого больше воли. А воли, мой милый бандит, у меня накопилось на двести восемьдесят лет. Посмотрим, хватит ли у тебя запаса».

Я повернулась к окну, где вставало солнце над миром, который стал моим новым, досадным и смешным, полем битвы. И впервые за эти несколько дней я почувствовала не отчаяние, а азарт. Очень старый, очень знакомый азарт охотницы, учуявшей, наконец, слабинку в своей жертве.

Глава 3

Утро тянулось мучительно. Я превратилась в маятник, раскачивающийся между креслом у окна и дверью. Каждый шорох в коридоре заставлял внутренне напрягаться. Не из страха, а из предвкушения. Сегодня должен был произойти первый значительный контакт с этим миром. Не с охранниками, не с пустоголовой горничной и уж тем более не с моим «благочестивым». А с живым существом, чья лояльность не была куплена, а чья душа, вероятно, еще не полностью исковеркана.

С точки зрения стратегии, это было идеальное время для сбора информации. Ребенок, особенно ребенок, который считает тебя матерью, – это кладезь. Он видит все, слышит все, а фильтры у него еще не установлены. Он расскажет о распорядке, о страхах, о слабых местах в обороне дома. Чистая, необработанная разведданные.

Именно так я и настраивала себя. Холодно, аналитически. Как на изучение нового, потенциально полезного вида флоры или фауны.

Поэтому, когда дверь наконец открылась не для того, чтобы просунуть поднос с едой, а шире, я уже была готова. Я стояла посередине комнаты, приняв нейтральную позу. На лице держала маску осторожного ожидания.

И тут в комнату ворвался... комочек энергии.

Невысокий, в ярко-розовом платьице с каким-то мультяшным пони, с растрепанными светлыми косичками. Большие, синие, как незабудки, глаза, мгновенно наполнившиеся слезами. Она замерла на пороге на долю секунды, сканируя меня – мое лицо, мои повязки, синяки, – и ее нижняя губа задрожала.

– Ма-ам! – вырвалось у нее, и это было не просто слово. Это был вопль, в котором смешались тоска, страх, радость и боль.

Она бросилась ко мне, обхватив мои ноги так крепко, как только могли позволить ее тоненькие ручки. Ее маленькое тело сотрясилось от рыданий.

– Мама, мама, мама... ты живая... Папа сказал, ты упала... что тебе больно...

Логика Саввы была примитивна и предсказуема. «Упала». Конечно.

Я замерла. Буквально. Физически и ментально. Прикосновение было неожиданным. Теплым. Влажным от слез. Оно жгло кожу через ткань халата Анны. В моей долгой жизни меня обнимали дети, мои собственные. Но это было так давно, что чувства превратились в смутные, позолоченные воспоминания, как старые фрески. А тут... тут было настоящее. Острое, мокрое, шумное.

Инстинкт отстраниться, оттолкнуть эту чуждую, эмоциональную бурю, был силен. Но более силен был исследовательский интерес. И что-то еще. Что-то глубинное, дремучее, что проснулось в ответ на ее дрожь.

Я медленно, будто совершая ритуал, опустила руку и коснулась ее головы. Мягкие, тонкие волосы. Дрожащие плечики.

– Варя, – произнесла я тихо, проверяя, как звучит это имя в моем новом голосе.

Она вздрогнула, подняла ко мне лицо, залитое слезами и соплями. И в ее взгляде было что-то, от чего мое циничное, выстроенное за века равновесие дало трещину. Это была не просто детская привязанность. Это была... надежда. Хрупкая, отчаянная надежда на то, что я – ее якорь в этом штормящем мире. И в тот же миг через точку нашего физического контакта хлынул вал не ее мыслей, а ее *ощущений*.

Это не было телепатией в чистом виде. Скорее, эмоциональным эхом, усиленным той самой жалкой искоркой моей магии, которая все еще тлела внутри. Я не услышала слов, я почувствовала.

Темный, липкий страх, как смола. Страх перед тяжелыми шагами в коридоре. Страх перед громким голосом. Страх перед дверью, которая распахивается слишком резко. Острая, жгучая боль – от ремня. Тупая, ноющая – от толчка, от щипка.

Длинные часы в красивой, пустой комнате с игрушками, в которых нельзя шуметь. Тишина, которую нарушает только плач за стеной – мамин плач. Чистая, как родник любовь. Направленная на меня. На «маму». Ее запах (шампунь и что-то еще, просто «мамино»). Ее голос, когда она поет колыбельную (голос Анны был тихим и мелодичным). Ее руки, которые иногда, украдкой, гладили по голове, когда папы не было дома.

И последнее, самое яркое чувство – *вина*. Глупая, детская, всепоглощающая вина. «Это я виновата, что папа злится. Надо быть тише. Надо быть лучше. Надо исчезнуть». Вот это уже переходило все границы.

Я отстранилась от ее чувств, как от раскаленного металла. Внутри все закипело. Ярость, которую я едва сдерживала с момента пробуждения, нашла новую, идеальную мишень. Не Савву. Нет. Его я уже мысленно приговорила. А вот эту программу. Этот вирус страха и самоуничтожения, вшитый в сознание ребенка.

Я опустила на колени перед ней, игнорируя протестующую боль в ребрах. Теперь наши глаза были на одном уровне.

– Варя, – сказала я уже тверже. – Слушай меня. Ты не виновата. Никогда. Слышишь? Ни в чем.

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза, всхлипывая. Непонимание. Она не верила. Ее мир был устроен иначе, гнев папы равно чья-то вина. Чаще всего – ее или мамы.

– Но папа... – прошептала она.

– Папа неправ, – отрезала я, и в моем голосе впервые зазвучали нотки того командного тембра, что когда-то заставлял трепетать придворных. – И то, что он делал – бить, кричать, пугать – это очень, очень плохо. И так делать нельзя. Ни с тобой, ни со мной, ни с кем бы то ни было.

Она замолчала, переваривая. В ее головушке, видимо, шла гражданская война между годами промывания мозгов и авторитетом мамино нового, странно твердого голоса.

Я воспользовалась паузой, чтобы провести тактильный осмотр. Аккуратно, под предлогом «обнять», я провела руками по ее рукам, спине, ногам. Старые синяки, уже пожелтевшие, на плече. След от ремня на ляжке, тоже заживающий. Свежих повреждений не было. В «Лучике», видимо, действительно только присматривали, а не воспитывали. Что ж, хоть одно достижение этой цивилизации.

– Тебе больно где-нибудь сейчас? – спросила я.

Она покачала головой. Потом, после секундного колебания, ткнула пальчиком в мою сходящую гематому на щеке.

– Тебе больно, мама?

Ирония ситуации достигла апогея. Верховная Ведьма, которой когда-то предлагали в качестве дани целительные амулеты целые королевства, стоит на коленях перед пятилетней девочкой, и та спрашивает про ее синяк.

– Уже почти нет, – соврала я. – Видишь, заживает.

Решение созрело мгновенно и бесповоротно. Ребенок – не помеха. Не обуза. Это *цель*. Самая важная на данный момент. Объект повышенной важности, требующий немедленного взятия под личную охрану. Ее безопасность, ее психическое состояние стали приоритетом номер один. Потому что, как я вдруг с абсолютной ясностью поняла, если с ней что-то случится из-за моей нерасторопности, я не прощу себе этого. Не как Анна – та и так жила в вечном чувстве вины. А как Эразия. Как та, кто дала слово самой себе.

Я поднялась, взяла ее за руку и повела к дивану.

– Садись. Расскажи, как ты тут живешь. Что делаешь, когда одна?

Так начался мой первый настоящий урок о современном мире. И учителем выступила пятилетняя девочка с логикой, временами превосходившей логику иных моих придворных магов.

– Когда папы нет, я смотрю *Ютьюб*на планшете, – сообщила она, усаживаясь и поджимая ноги.

– Ютьюб? – переспросила я.

– Ну да! Там мультики, и про науку, и как делают игрушки! Хочешь, покажу?

Она спрыгнула с дивана и подбежала к тумбочке, вытащив оттуда плоский серый прямоугольник – «планшет». Через несколько секунд на экране зашевелились яркие картинки. Какая-то говорящая свинка что-то строила из кубиков. Это было сюрреалистично.

– А еще Алиса все знает! – Варя, отложив планшет, указала на колонку, такую же, как в больнице, стоявшую на полке. – Алиса, как делают мороженое?

Голос из колонки, тот самый, терпеливый и бесполой, начал рассказывать о пастеризации, заморозке и фасовке. Я даже не заметила, что у меня стоит такая же коробочка «Алиса», как и в больнице.

– В моем мире оракулы жили в храмах, – заметила я вслух, больше для себя. – К ним стекались паломники, приносили дары, ждали пророчеств неделями. В этом – они живут в пластиковых колонках и отвечают на вопросы о мороженом за две секунды. Прогресс, что и говорить.

Варя посмотрела на меня как на сумасшедшую.

– Какие ора... оракулы? Это просто Алиса. Она в интернете.

Интернет. Еще одно магическое слово этого мира. Всемирная паутина, хранящая все знания. И все глупости тоже, как я позже выясню.

– Объясни мне, Варя, – сказала я, садясь рядом. – Вот папа... он чем занимается? Откуда у него деньги на этот дом? – Я сделала широкий жест, охватывая всю кричащую роскошь комнаты.

Девочка нахмурилась. Она думала.

– Он... ходит на работу. У него большой офис. И к нему приходят дяди, серьезные. Они разговаривают, иногда кричат. А деньги... – она замаялась. – Мама, а что такое контра... контра...

– Контрабанда? – подсказала я, вспоминая записи из блокнота.

– Да! И еще «крыша». Папа говорил по телефону, что он всем «крыша». Это значит, он защищает? Как супергерой?

Я едва сдержала саркастический смешок. Защищает. Да, именно так. «Крышует» чужие грязные делишки, беря за это процент. Супергерой в мире криминала. Какое трогательное переосмысление.

– Что-то вроде того, – сухо ответила я. – А полиция? Папа с полицией дружит?

Варя покачала головой, ее лицо стало серьезным.

– Полиция – это плохо. Папа говорит, они враги. Если они приедут – надо молчать. Ничего не говорить. Мама, а что такое «заложить»? Один дядя плакал и говорил, что его «заложили».

Мой внутренний аналитик ликовал. Ребенок – это губка. Она впитывала термины, не понимая их, но прекрасно запоминая контекст. «Заложить» – значит сдать полиции. Враги. Значит, полиция – потенциальный союзник, внешняя сила, которой боится Савва. Отлично.

– А школа? Ты скоро пойдешь в школу?

– В сентябре, – кивнула она. – Папа сказал, в самую лучшую. Там учатся дети важных пап.

Социальный лифт, работающий через потомство. Примитивно, но эффективно. Школа – это не только знания, но и связи. Савва, при всей его глупости, это понимал.

Разговор тек неспешно. Я выуживала информацию, а Варя, обрадованная неожиданным вниманием и странными, «взрослыми» вопросами мамы, охотно делилась. Она рассказала про распорядок дня: ее обычно кормили отдельно, потом она сидела в своей комнате или, если повезет, смотрела телевизор в гостиной, когда папы не было. Про охрану: «Дядя Степа добрый, он мне раз пряник тайком дал. А дядя Гриша злой, он на меня рычит». Про то, что боится темноты в коридоре, потому что там «папина тень ходит».

Каждая деталь ложилась на мысленную карту, обрастая тактическими пометками.

Вдруг она спросила, глядя на мои руки:

– Мама, а почему ты стала... другая?

Вопрос повис в воздухе. Острый, как игла.

– Другая? – переспросила я, выигрывая время.

– Ты не плачешь. И голос... твердый. И глаза... они как у папы, когда он очень-очень сердится. Только... не страшные.

Вот тебе и пятилетний аналитик. Дети – лучшие детекторы лжи. Они считывают не слова, а метасообщения. Энергетику.

– Я просто поняла, – сказала я, выбирая слова с тщательностью, с какой подбирала когда-то компоненты для эликсира бессмертия. – Что нужно быть сильной. Чтобы защищать тебя. Больше никто этого не сделает.

Она притихла, обдумывая. Потом кивнула, как будто это было самое естественное объяснение в мире.

– Хорошо. Я тоже буду сильная.

И в этот момент где-то внизу хлопнула входная дверь. Тяжелые, уверенные шаги. Савва вернулся.

Варя мгновенно съежилась, как мышка, заслышавшая сову. Весь ее маленький корпус напрягся, дыхание стало поверхностным. Она инстинктивно прижалась ко мне.

Холодная волна ярости снова накатила на меня. *Это* – его главное преступление. Не синяки на мне. Эта моментальная, животная реакция страха у ребенка при звуке его шагов.

– Сиди тут, – тихо, но четко приказала я ей. – Не выходи. Что бы ни было слышно.

Меня открыли еще утром. Я вообще не понимала, зачем закрывать дверь в мою комнату, ведь периметр охраняли, да и через трехметровый забор я тоже вряд ли перелезу. Я встала и вышла в коридор, закрыв за собой дверь в комнату. Я не собиралась с ним сейчас конфликтовать. Но я должна была обозначить новые границы. Сразу.

Он поднимался по лестнице, уже снимая пиджак. Увидев меня, остановился, удивленно приподняв бровь.

– Ну что, пообщались с дочкой? – спросил он с той же сладкой ядовитостью. – Успокоила ее?

– Она будет жить в моей комнате, – заявила я без предисловий. – Ее вещи нужно перенести сюда.

Он замер. Удивление сменилось медленным, опасным любопытством.

– С чего это вдруг? У нее своя комната есть.

– Ей здесь будет лучше. Со мной.

– Решаю я, что лучше для моей дочери в моем доме, – отрезал он, делая шаг вверх. – Или ты опять забыла, как тут все устроено, Ангел?

Его голос стал тише. Опаснее.

Я не отступила. Я встретила его взгляд. Без вызова, но и без покорности. С холодной констатацией.

– После больницы мне еще тяжело. Она будет мне помогать. Или ты хочешь, чтобы я снова «упала» из-за слабости и вызвала ненужные вопросы у врачей, если придется вызывать

«скорую»? К тому же, это делает меня послушной... – я попыталась многообещающее улыбнуться.

Я сделала ставку на его тщеславие и осторожность. Публичный скандал, новая медэкспертиза – ему это не нужно.

Он оценивающе смотрел на меня секунд десять. Мозг, привыкший к силовым решениям, перебирал варианты.

– Ладно, – буркнул он наконец. – Пусть поживет с тобой. Недельку. Пока не оклемаешься. А там посмотрим.

Это была не победа. Это было перемирие. Но и это уже что-то. Плацдарм занят.

– Спасибо, – сказала я нейтрально и повернулась, чтобы уйти.

– Ангел! – окликнул он меня. Я обернулась. – Не забывай. Вечером наш разговор. Ты, кажется, начала забывать, кто в доме хозяин. Напомню.

Он улыбнулся своей ледяной улыбкой и направился в свой кабинет.

Я вернулась в комнату. Варя сидела на диване, обняв колени, и смотрела на дверь широко раскрытыми глазами.

– Все в порядке, – сказала я, и странное дело – голос мой прозвучал почти мягко. – Твои игрушки перевезут сюда. Будешь жить со мной.

Она не сказала ни слова. Просто подбежала и снова обняла меня, зарывшись лицом в живот. Держалась изо всех сил.

Вечер. Он приближался неумолимо. «Разговор». Я знала, что это будет. Он не мог оставить вызов без ответа. Его авторитет, построенный на страхе, требовал подкрепления.

Я сидела, гладила Варину голову (она уснула, истощенная эмоциями, прямо у меня на коленях), и смотрела в окно. Завтрак, обед, ужин нам принесли в комнату. Клетка стала меньше, но безопаснее – на время.

У меня был план. Слабый, дерзкий, почти безумный. Он целиком зависел от двух вещей: от того, удастся ли мне к вечеру выжать из себя хоть немного больше, чем рябь на воде, и от того, насколько хорошо я изучила психологию своего врага.

А еще у меня теперь был объект повышенной важности. Спящий на моих коленях. Ее дыхание было ровным, щеки порозовели. Во сне она улыбалась.

Я, Эразия Дрониктон, которая когда-то решала судьбы империй, теперь сидела в розовом будуаре, с ребенком на коленях, и готовилась к бытовой разборке с мелким тираном. И знаете что? Это было в тысячу раз важнее любой битвы с драконом. Потому что драконы были честными врагами. Они не прятались за личиной «семьи» и не ломали души детей.

Я посмотрела на спящую Варю.

– Объект под защитой, – тихо прошептала я. – Ни один бандит с раздутым самомнением не посмеет тебя больше тронуть. Клянусь... чем-нибудь очень дорогим. Например, своим покоем. Похоже, я его уже потеряла.

И впервые за долгое время я почувствовала не досаду, а нечто, отдаленно напоминающее цель. Четкую, ясную, благородную цель. Это было... непривычно. И, черт побери, не так уж и плохо.

Глава 4

Он назвал это «семейным ужином». Ирония была настолько густой, что ее можно было резать ножом и намазывать на хлеб вместо икры, которая, как оказалось, была черной и лежала нетронутой горкой на серебряном блюде.

Меня «пригласили» за час до назначенного времени. Пригласили – это громко сказано. Дверь в мою комнату открылась, и один из «дядь Гриш», злой, вошел без стука.

– Хозяин к столу зовет. Час на сборы.

Он бросил на кровать упаковку – внутри оказалось вечернее платье. Черное, облегающее, с высоким разрезом. Очевидно, выбранное с целью продемонстрировать синяки, которые к этому времени уже сменили цвет с фиолетового на желто-зеленый, но не исчезли. Еще один способ унижить – выставить напоказ результаты своей работы.

Варя, игравшая на ковре с куклами, притихла и прижалась ко мне.

– Я тоже пойду? – прошептала она.

– Нет, солнышко, – ответила я, глядя ее по голове. – Ты поужинаешь здесь. Тебе принесут.

– Я посмотрела на охранника. – Принесут, ведь так?

Он пожал плечами.

– Как скажут.

План у меня уже вызревал. Смутный, рискованный, построенный на десятке «если». Но план. Для его осуществления нужны были две вещи, чуть больше внутренней силы и критическая информация. Сегодняшний ужин мог дать и то, и другое. Если, конечно, я выдержу представление, не свернув ему шею вилкой за первые пять минут.

Я надела платье. Оно сидело на теле Анны идеально, подчеркивая все, что нужно. И синяки тоже. Я не стала их маскировать тональным кремом, найденным на туалетном столе. Пусть видит. Пусть любит.

Ровно через час меня сопроводили в столовую. Помещение было выдержано в стиле «императорский разврат», длинный стол из темного дерева, способный усадить двадцать человек, но сейчас накрытый только на одном конце. Массивная люстра. Гобелены с охотами, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались китайскими коврами. Савва уже сидел во главе, развалившись в резном кресле, словно на троне. Перед ним стоял бокал с коньяком.

– А, вот и наша красавица! – провозгласил он, жестом указывая на стул справа от себя. – Садись, ангел. Не стесняйся.

Я села, сохраняя спину прямой. Поза королевы на сломанном стуле. Горничная Тамара, избегая моего взгляда, начала расставлять закуски, икра, красная рыба, морепродукты. Еда, которой можно было прокормить небольшую деревню в Эмбионе на неделю. Здесь она была просто фоном.

– Я рад, что ты уже на ногах, – продолжал он, разламывая пальцами клешню омара. Хруст кости прозвучал неприятно громко. – Значит, можешь адекватно воспринимать информацию. Так вот. Твое поведение после больницы меня не устраивает.

Я молчала, разглядывая узор на тарелке. Безвкусица какая-то. Нужно заменить.

– Молчишь? Это хорошо. Значит, понимаешь серьезность момента. Ты позволила себе... какой-то тон. Требования. «Ее вещи перенесите сюда». – Он передразнил меня, исказив голос в гнусный визг. – Кто ты такая, чтобы требовать в моем доме? Кто содержит тебя? Кто дает тебе эти платья, эту еду? Кто защищает тебя от всего мира? Я!

Он ударил кулаком по столу. Посуда звякнула. Тамара вздрогнула у буфета.

– Ты – моя жена. Твоя обязанность – быть красивой, тихой и благодарной. А не строить из себя железную леди с ребенком на руках.

– Я слушаю, – сказала я нейтрально.

Моя реакция, видимо, разозлила его еще больше. Он ожидал слез, оправданий, страха. А получил – внимание этнолога к редкому виду примата.

– Ты... – он задохнулся от злости, затем взял себя в руки, сделал глоток. – Ладно. Сегодня я настроен великодушно. Мы заново установим правила. Правило первое, ты не выходишь из дома без моего разрешения и сопровождения. Второе, все твои звонки, интернет – через моих людей. Третье, Варя возвращается в свою комнату. Четвертое, ты выполняешь супружеский долг, когда я этого хочу, и так, как я этого хочу. Понятно?

Я медленно кивнула, словно обдумывая каждый пункт. На самом деле я анализировала его. Глаза чуть выпучены от давления – гипертония. Пальцы, постукивающие по столу, – нервозность, возможно, наркотическая зависимость (об этом намекали несколько записей в блокноте). Желание контролировать, унижать – компенсация глубокой неуверенности. Тщеславие, которое питалось страхом других. И ревность. Патологическая. Она проскальзывала даже сейчас, когда он говорил о «ребенке». Он ревновал Анну даже к ее собственной дочери. К ее вниманию. К ее любви.

Слабое место. Очень слабое.

– Понятно, – повторила я.

– И что ты на это скажешь? – он прищурился.

– Скажу, что правила ясны, – ответила я, беря вилку и накалывая кусочек семги. Рыба была пресной. – Уточню лишь один момент. Насчет Вари. Ей психологически важно сейчас быть со мной. После... произошедшего. Это может предотвратить ненужные вопросы, если, не дай бог, придется снова обращаться к детскому психологу.

Я сделала ставку на его параноидальную осторожность и невежество. «Детский психолог» звучало для него так же угрожающе, как «следователь по особо важным делам».

Он задумался, жуя.

Неделю, – буркнул он снова. – Не больше. И чтобы я не слышал ни писка. И чтобы она не лезла под ноги.

– Спасибо, – сказала я, опустив глаза. Маска покорности. Внутри – холодная ярость и удовлетворение. Первая микро-победа. Он уже начал уступать, даже не осознавая этого.

Ужин продолжался в гнетущем молчании. Он ел с аппетитом, я – больше делала вид. Потом он заговорил о своих «делах», явно пытаясь произвести впечатление: какие суммы крутятся, какие «авторитеты» с ним советуются. Это было жалко и по-детски. Мальчик, хвастающийся стекляшками. Я кивала в нужных местах, мысленно помечая каждое имя, каждую цифру.

Наконец, он откинулся на спинку стула, вытер губы салфеткой и посмотрел на меня тяжелым, влажным взглядом.

– Ну что, ангел. Пора бы и долг исполнить. Четвертое правило, помнишь?

Вот и оно. То, чего я ждала и чего боялась одновременно. Физический контакт. Но не как акт близости, а как акт агрессии и подтверждения власти. И, возможно, как источник энергии. Моя искорка внутри едва теплилась. Мне отчаянно нужно было хоть что-то, чтобы подпитать ее. Риск был огромен. Но иного выбора не было. Бежать, слабой, с ребенком на руках, в незнакомом мире – самоубийство. Нужно было выиграть время и набраться сил. Даже таких.

– Помню, – сказала я тихо, вставая.

– В мою спальню, – отдал он приказ, не глядя на меня. – Я подожду.

Я вышла из столовой, чувствуя на спине его тяжелый взгляд. Шла по холодному мраморному коридору на второй этаж, в его апартаменты – отдельную крыло дома, куда Анна заходила только по «приглашению». Комната была еще большим воплощением безвкусицы, кровать размера «king-size» с черным бархатным покрывалом, зеркала на потолке, мебель из черного дерева. Все кричало о банальной, грубой чувственности, лишенной намека на истинную страсть.

Я стояла посреди комнаты, не двигаясь, не раздеваясь. Ждала. Он вошел минут через десять, уже в халате. От него пахло коньяком, сигаретами и агрессией.

– Что стоишь? Раздевайся, – бросил он, подходя к мини-бару и наливая себе еще коньяку. – И не делай такое лицо, будто на панихиду пришла. Должна радоваться, что муж к тебе внимание проявляет.

Я медленно расстегнула молнию платья, дала ему соскользнуть на пол. Синяки на боках, на бедрах, на ребрах – все было открыто. Он обвел меня взглядом, как осматривают товар, и в его глазах мелькнуло удовлетворение.

– Красиво, – прошептал он.

Это было невыносимо. Но я сжала все внутри в тугую, холодный шар. Отключила эмоции. Я была не Анной, не Эразией даже. Я была прибором, который должен провести эксперимент и получить данные. И энергию.

Он не стал ждать, не стал пытаться что-то сделать, чтобы и мне было... если не приятно, то хотя бы не отвратительно. Он просто подошел, грубо притянул к себе и толкнул на кровать. Его поцелуй был жестким, удушающим, больше похожим на укусы. Руки хватили, щипали, оставляя новые, свежие отметины на старых синяках. Все было быстро, грубо, механически. Он удовлетворял не страсть, а потребность подтвердить владение. Унизить. Наказать.

Я лежала, глядя в зеркало на потолке, где отражалась наша сцена. Мое лицо было каменной маской. Его – красное, с выпученными глазами, похожее на лицо человека, совершающего тяжелую, но необходимую работу.

И я пыталась. Из всех сил пыталась вытянуть из этого хоть что-то. Направить ту самую искру на контакт, чтобы она впитала, переработала хоть крупицу его жизненной силы, его грубой, необузданной энергии. Я представляла, как крошечный корень пробивается через камень. Как капля точит гранит.

Было больно. Физически и... метафизически. Его энергия была тяжелой, грязной, пропитанной агрессией, страхом и ложью. Она не впитывалась, а скорее вмазывалась в мое энергетическое поле, как грязь. Но даже грязь – это масса. И эта масса, с грехом пополам, начала растапливать лед внутри, добавляя каплю, еще каплю в тот тощий резервуар.

Это не было обновлением. Это было загрязнением источника. Но источник был пуст. И когда он наконец закончил, тяжело дыша, откатился в сторону, я почувствовала не прилив сил, а... тяжесть. Как если бы выпила стакан мутной, застоявшейся воды. Но жажда хоть и ненамного утихла.

Я встала, не глядя на него, подняла с пола платье.

– Иди, – бросил он, не оборачиваясь, закуривая сигарету. – Утром приведи себя в порядок. Не смей ходить с таким лицом.

Я вышла. Шла по коридору, держась за стену. Не от слабости, а от омерзения. Тело ныло, на бедрах и груди проступали свежие, красные следы от его пальцев, которые к утру превратятся в синяки. Великолепно. Новая карта нанесена.

Но внутри... внутри что-то изменилось. Искорка, хоть и замутненная, стала чуть ярче. Чуть стабильнее. Я смогла, уже в своей комнате, не садясь, просто стоя у двери, прошептать слабое заклинание защиты на замок. Не магический щит, конечно. Но некое намерение, просьбу к реальности: «Не открывайся никому, кроме меня». И я почувствовала, как эта просьба, подпитанная новой, грязной энергией, запечатывается в металле и пластике замка. Невидимая печать. Очень слабая, но своя.

Варя спала, свернувшись калачиком на большой кровати. Я подошла, села на край, глядя на ее спокойное лицо. Омерзение и злость медленно отступали, уступая место холодной, железной решимости.

План созрел окончательно. Я увидела его слабые точки. Его тщеславие, его ревность, его глупую, показную бравату. Его страх перед официальными структурами. Его зависимость от образа «хозяина». И его физическое состояние – гипертония, нервы.

У меня теперь была хоть капля силы. Грязной, но силы. И у меня была информация. И была цель, спящая рядом.

Я погладила Варину щеку. Она во сне улыбнулась.

– Скоро, солнышко, – прошептала я так тихо, что это было почти не звуком, а мыслью. – Скоро в этом доме сменится власть. И первым его новым правилом будет – тишина. А вторым – чтобы ты никогда больше не боялась шагов в коридоре.

Я сходила в душ и смыла следы от исполнения супружеского долга. Легла рядом с Варварой, стараясь не задеть ее. Тело ныло, душа была запачкана. Но ум был ясен и холоден, как лезвие.

Глава 5

Следующие несколько дней прошли под знаком хрупкого, зыбкого перемирия. Я стала образцовой узницей. Не выходила из комнаты без «приглашения», говорила мало и тихо, выполняла ритуал ужинов под его неусыпным взглядом. Я была тенью, призраком прежней Анны, но и той стальной женщины, что начала проступать сквозь трещины, тоже не было видно. Я намеренно стерлась.

Внутри же кипела работа. Каждая ночь уходила на медитацию, на попытку очистить и структурировать ту грязную энергию, что мне удалось вытянуть из Саввы. Это было похоже на промывание золота в мутном ручье – много ила, но иногда вспыхивала крупинка чего-то полезного, чистой, животной жизненной силы, лишенной его психических примесей. Крупинки складывались в песчинку. Песчинка в щепотку.

Этой щепотки хватило на кое-что большее, чем рябь в стакане. Я научилась создавать в воздухе едва заметное дрожание, искажение, способное отвлечь взгляд на секунду. Могла, коснувшись двери, почувствовать вибрации шагов за ней. Однажды ночью я даже смогла, сжав изо всех сил волю в кулак, заставить лампочку в моей люстре на мгновение погаснуть, а потом вспыхнуть с удвоенной яркостью. Это стоило мне потом часовой мигрени, но ликование от крошечной победы над чуждыми технологиями было слаще любой боли.

Варя была моим барометром и невольным сообщником. Она быстро привыкла к «новой» маме – тихой, но твердой, с странными привычками подолгу сидеть и просто смотреть в стену. Она рассказывала мне все, что видела и слышала: дядя Степа сегодня ворчал, что «хозяин опять на взводе», а дядя Гриша бил какого-то нового парня в гараже. Из ее лепета складывалась картина, что у Саввы были проблемы. Кто-то «наезжал» на его маршруты. Кто-то «заложил» склад. Его империя из грязи и страха давала трещины. И, как любой мелкий тиран, столкнувшись с внешними угрозами, он инстинктивно искал, на ком сорвать злость внутри своей вотчины. На самой незащитной.

Я готовилась как могла. Но время работало против меня. Песчинки накапливались слишком медленно. А напряжение в доме росло с каждым часом.

Последняя ночь перед бурей была беспокойной. Варя плохо спала, ворочалась и всхлипывала во сне. Я сидела у окна, пытаюсь уловить в мертвом воздухе города хоть намек на естественную магию, на лей-линию, на что угодно. Была только тяжелая, низкая тишина, которую около трех ночи разорвал рев мотора и грохот захлопнувшейся двери. Савва вернулся. Пьяный. Это было слышно по его неуверенным, спотыкающимся шагам вниз, по громкому, бесвязному крику. Потом что-то разбилось. Потом наступила тишина.

Я знала, что это затишье, худший из знаков.

Утро началось как обычно. Горничная принесла завтрак. Варя, помня свое обещание «быть сильной», старательно ела кашу. Солнечный луч пробивался сквозь тюль, играя пылинками. Была суббота. Мир за окном жил своей обычной жизнью.

И тут дверь в комнату не просто открылась. Ее вышибли ударом ноги.

Савва стоял на пороге. Он не спал, это было ясно. Глаза были красными, воспаленными, но в них горел холодный, полупьяный, концентрированный безумный огонь. Он был одет в тренировочные штаны и майку, босой. От него волнами исходила та самая энергия – густая, черная, пахнувшая перегаром, потом и бесконтрольной яростью.

– Все, – произнес он хрипло. – Все, хватит. Я устал от этой пьесы.

Варя замерла с ложкой у рта, глаза стали огромными от страха. Я медленно встала, поставив себя между ним и девочкой.

– Вадим, что случилось? – спросила я голосом Анны, тихим, испуганным. Маска. Нужно было надеть маску.

– Молчи! – он взревел, делая шаг вперед. – Не выводите меня! Ты знаешь, что случилось! Ты... ты все знаешь! Ты с ними в доле!

Это был бред. Классическая паранойя тирана, если где-то провал, значит, его предали свои. А самые «свои» – это те, кто слабее и всегда под рукой.

– Я не знаю, о чем ты...

– Врешь! – он рванулся вперед. Быстро. Неожиданно. Его кулак, тяжелый, кастетом, со свистом рассек воздух и пришелся мне по скуле.

Удар был сокрушительным. Мир на миг пропал, заполнившись белой вспышкой боли и звоном в ушах. Я отлетела к стене, ударившись плечом о косяк, и осела на пол. Кровь теплой струйкой потекла из разбитой губы.

– Мама! – завизжала Варя. Это был не плач, а визг чистого, животного ужаса.

– А ну, заткнись, гадина! – зарычал Савва, но не на нее, а снова на меня. Он навис надо мной, хватая за волосы. – Ты думала, я не вижу? Ты думала, я не знаю, как ты на меня смотришь? Как будто я дерьмо под ногами! Кому ты продалась?! Кому?!

Он дернул, и я почувствовала, как волосы вырываются с корнем. Боль пронзила кожу головы. Он потащил меня к двери. По полу. Я не сопротивлялась. Я концентрировалась. Внутри меня, сквозь туман боли и унижения, холодный аналитический центр Эразии работал на полную мощность.

Угроза максимального уровня. Агрессия неконтролируема. Цель – причинить максимальный вред, возможно, убить. Охрана, вероятно, внизу, слышит, но не вмешается – это «семейное».

Я позволила ему тащить себя в коридор, к лестнице. Мое тело било о ступени, ребра, едва зажившие, снова заныли зловеще. Но я почти не чувствовала этой боли. Все мое существо было собрано в точку. В ту самую щепотку силы, что копилась днями. Я ментально ощупывала ее, как слепой – последний клинок. Ее хватит на один удар. Только на один. И он должен быть точен. Он должен быть сокрушителем.

Мы оказались внизу, в мраморном холле. Солнечный свет, падающий из высоких окон, казался кошунственно ярким. Несколько охранников – среди них и Степа, и Гриша, стояли по периметру, опустив глаза. Они были частью декорации. Статистами в его спектакле.

Савва швырнул меня на холодный пол. Я ударила головой, увидела звезды.

– Встань! – орал он, брызгая слюной. – Встань, когда я с тобой разговариваю, шлюха!

И тут по лестнице, перекатываясь, спустилась Варя. Она плакала навзрыд, ее лицо было искажено гримасой отчаяния.

– Папа, нет! Папочка, не надо! Не бей маму!

Она подбежала к нему, уцепилась за его штанину, маленький, тщетный якорь, пытающийся удержать ураган.

– Отстань! – рявкнул он и оттолкнул ее.

Это был не просто толчок. Это был удар, полный раздражения и презрения. Она отлетела, слабое тельце шлепнулось о нижнюю ступеньку и затихло, всхлипывая от боли и шока.

И в этот миг что-то внутри меня... щелкнуло.

Не эмоция. Не ярость даже. Хотя ярость была, холодная, как жидкий азот. Это было чистое, беспримесное решение. Как щелчок предохранителя. Как приказ, отданный самой себе.

Логично. Угроза номер один – приоритетная цель. Сопутствующие угрозы – нейтрализовать всех. Требуется мгновенное и тотальное устранение риска.

Время замедлилось.

Нет, это не метафора. Для моего восприятия, сфокусированного до предела, мир буквально погрузился в густой, тягучий сироп. Пылинки в солнечном луче замерли. Крик Вари растянулся в низкий, бесконечный гул. Капля крови с моей губы перестала падать и повисла в

воздухе, как рубиновый шарик. Савва, замахнувшийся для следующего удара, двигался с грацией ленивой улитки, его лицо было застывшей маской идиотской ярости.

Я медленно, очень медленно, поднялась с пола. Кости скрипели, но боль была далеким эхом. Я выпрямилась. Мой взгляд скользнул по охранникам. Десять человек. Все вооружены, все в той или иной степени виновны в том, что позволяли этому продолжаться. Они были частью системы. И система должна была быть уничтожена.

У меня не было жестов. Не было слов силы. В этом мире они были бы пустым звуком. У меня была только Воля. Двести восемьдесят лет отточенного, беспощадного намерения. И шепотка силы, дрожащая, как струна, готовая лопнуть.

Я сконцентрировалась на самой основе жизни. На том, что было общим для всех этих мужчин, для Саввы. На воде. Их тела состояли из нее на 60%. Их мозг плавал в ней. Их глазные яблоки были ею наполнены.

Я не приказывала воде. Это было бы слишком грубо, слишком неэффективно. Я... *предложила* ей освободиться. Я создала в своем сознании точку абсолютного разрежения, абсолютной сухости прямо вокруг их мозговых тканей и внутри их глазниц. Я показала воде путь к свободе. И природа, как всегда, устремила ее заполнить вакуум.

Это не было насилием. Это было... логическим следствием. Если создать достаточный перепад давления, жидкость разорвет любую мягкую ткань на своем пути.

Я сделала это.

Сначала ничего не произошло. Потом у Саввы, чье лицо все еще было искажено гримасой, из уголков глаз выступили алые капельки. Они не текли. Они выжались наружу под чудовищным внутренним напором. Затем то же самое произошло у охранников. У одного из ушей пошла тонкая струйка крови.

А потом раздался звук.

Тихий, влажный, множественный хлопок. Как будто десяток перезревших виноградин лопнули под тканью. *Хлюп-хлюп-хлюп*.

В замедленном времени это звучало растянуто, почти музыкально.

Тела начали падать. Савва – первым. Его ноги подкосились, он рухнул на колени, затем вперед, лицом в лужу солнечного света на мраморе. За ним, как подкошенные, повалились охранники, Степа, Гриша. Все. Они падали медленно, грациозно, как большие деревья. Не было ни крика, ни предсмертного хрипа. Просто отключение. Мгновенное и чистое.

Время вернулось к своему нормальному течению с резким, почти физическим щелчком.

Грохот падающих тел слился в один протяжный гул, отзывавшийся эхом в пустом холле. Потом – тишина. Только тихие всхлипы Вари.

Я стояла среди них. Стояла и дышала. И с каждым вдохом в меня вливалось... Оно.

Не просто энергия. Это был поток. Дикий, необузданный, теплый и сладкий, как крепчайший мед, как опьяняющее вино. Энергия жизни, мгновенно высвобожденная из одиннадцати тел. Она врывалась в меня через каждую пору, заполняя ту пустоту, что мучила меня с момента пробуждения. Это не было похоже на грязные капли от Саввы. Это был чистый, мощный, первозданный жизненный сок.

Он наполнял меня, переполнял, заставлял кожу покалывать, а в ушах звенеть. Головокружение было не от слабости, а от избытка силы. Я чувствовала, как трещины в ребрах срываются в мгновение ока. Как синяки на лице и теле тают, как лед под солнцем. Как мое зрение становится острым, как у совы, а слух улавливает биение сердца мыши за стенами. Я вскинула голову, и волосы, только что вырванные, снова приросли к коже.

Это было опьянение. Это было возвращение домой. Я была снова собой. Не полностью – нет, до моей истинной мощи было еще далеко. Но я больше не была жалкой искрой. Я была факелом. Горящим в этом мертвом, безмагичном мире.

Я закрыла глаза, позволив волне накрыть себя с головой, наслаждаясь каждым ее всплеском. Это было так... правильно. Так естественно. Жизнь за жизнь. Они были угрозой. Я их устранила. И взяла их силу как трофей. Древнейший закон вселенной.

Потом я открыла глаза. И вспомнила о Варе. Она сидела на ступеньке, прижавшись спиной к перилам, и смотрела на меня. Не на трупы. На меня. Ее слезы высохли. На ее лице был не страх, а... ошеломленное изумление. Как будто она увидела падающую звезду в двух шагах от себя.

– Мама? – прошептала она. – Ты... светишься.

Я подошла к ней, опустилась на корточки. Мои движения были плавными, полными новой, неистраченной мощи.

– Все хорошо, солнышко. Все кончено.

– Папа... и дяди... они спят?

Я посмотрела на груды тел. Да, спят. Вечным сном. Но ей этого знать не нужно.

– Они просто очень устали, – сказала я мягко. – Им нужно отдохнуть. Надолго. А мы с тобой теперь пойдем наверх. И будем пить чай с печеньем. Хорошо?

Она кивнула, ее взгляд все еще был прикован к моему лицу, к сиянию, которое, видимо, еще не угасло. Я обняла ее, подняла на руки – так легко, будто она была перышком – и понесла наверх, в нашу комнату. Она прижалась ко мне, доверчиво уткнувшись носом в шею.

На пороге я обернулась, бросив последний взгляд на холл. На картину, достойную какого-нибудь мрачного полотна, позолоченная безвкусица, солнечный свет и неподвижные тела. Безмолвно и эффективно. Я закрыла дверь своей комнаты. И впервые с момента прибытия в этот мир почувствовала, что дверь эта – не решетка клетки. А щит. Защита моего нового, крошечного королевства.

Первая часть плана была выполнена и угроза нейтрализована. Теперь начиналось самое интересное, уборка территории и установление новых правил. И у меня, наконец, были силы, чтобы их диктовать.

Глава 6

Сила лилась по моим жилам, сладкая и густая, как старое вино. Каждая клетка тела пела от избытка энергии. Я стояла посреди холла, дышала этим новым, чудесным ощущением всемогущества, и мне хотелось смеяться. Смеяться над абсурдом ситуации, над жалкой тщетностью этих поверженных бугаев, над собственной минутной слабостью, которая мучила меня все эти дни. Я снова был

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.